

Raija Bartens, Permiläisten kielten rakenne ja kehitys, Helsinki 2000 (MSFOu 238). 372 с.

Райя Бартенс не раз подтверждала свою репутацию многостороннего и трудолюбивого исследователя: вот и теперь за опубликованной в 1999 году монографией, посвященной истории развития мордовских языков, последовал объемный труд о пермских языках — об их формировании, развитии и сегодняшнем состоянии. В таком плане сопоставление пермских языков еще никем не проводилось: автор рассматривает их одновременно как синхронно, так и в историческом аспекте. Отталкивается она от общих черт и различий в современных пермских языках, resp. диалектах и пытается выявить их происхождение, учитывая сложившиеся на протяжении почти столетия и наиболее акцептированные трактовки и предположения, которые в работе реферируются в основном нейтрально, свои же альтернативные пояснения и толкования автор часто сопровождает знаком вопроса. Такой способ как нельзя лучше подходит для того, чтобы показать, как далеки мы порой от окончательной истины и что в пермистике тоже немало загадок и белых пятен, которые ждут своего исследователя.

В структурном отношении монография представляет собой традиционное исследование обзорного плана. Прежде всего Р. Бартенс знакомит читателя с историей формирования пермских языков, с теми языковыми контактами, которые оказали особенно ошутимое влияние на их развитие, и с языковой ситуацией в настоящее время. Далее в разделе исторической фонетики (около 30 с.) речь идет о предполагаемых путях развития систем согласных и гласных звуков и о вариативности системы ударения в языках данной группы. Основная часть монографии (225 с.) посвящена морфологии и морфосинтаксису имени и глагола. Описание структурных особенностей предложения занимает 20 с. По словам автора, в основу монографии легли прочитанные в 80—90-х годах в Хельсинкском университете лекции, до-

полненные соответствующим образом. Изложение сопровождается многочисленными языковыми фактами и несомненно содержит — в зависимости от интересов читателя — материал для разного рода дискуссий. Здесь в первую очередь обращается внимание на языковые факты и предположения, связанные с формированием коми и удмуртского языков, а также на взаимосвязь между пермским праязыком и особенностями современной вариативности.

Праязык — это основное понятие сравнительно-исторического языкознания, но содержание его со временем претерпело изменения и по крайней мере для поколения молодых исследователей утратило в некоторой степени свою ясность. В рассматриваемом труде понятие праязыка тоже не имеет однозначного толкования.

Согласно классическому определению, праязык представляет собой некий метаязык, в котором сконцентрированы общие черты родственных языков. Они выявляются исключительно на базе языковых данных и реальное существование праязыков не зафиксировано ни во времени, ни в пространстве. Если с их помощью мы станем объяснять формирование и историю конкретных языков, то при интерпретации языковые данные столкнутся с внеязыковыми факторами. Здесь соприкоснутся между собой история языка, ареальная лингвистика, археология, история и другие науки. Другой вопрос — толкование всех этих данных, которое и ведет к появлению разных мнений.

Финно-угроведение использует понятие праязыка в двух значениях: с одной стороны, как совокупность инноваций, связывающих между собой родственные языки; с другой, как реально существовавшую в пространстве и во времени языковую систему. В рецензируемой работе пермский праязык тоже определен во времени и в некоторой мере территориально. И хотя схема разветвления финно-угорских языков на их пе-

реходные праязыки, в свете современных знаний, больше не представляется единственно возможной и убедительной моделью истории языков, в книге формирование пермских языков дается в традиционных рамках: предступенью пермского праязыка считается все же прибалтийско-пермская языковая общность, распад которой, как принято считать, произошел примерно три с половиной тысячелетия назад, хотя достаточно убедительных подтверждений этому нет. Составители более новых обобщающих трудов (Синор, Абондоло) избегали хронологии, рецензируемая работа альтернативных решений не предлагает. С этого времени начался период т.н. прапермского языка. Из описания выясняется, что под праязыком автор подразумевает, очевидно, единую, понятную для всех языковую систему, которая просуществовала якобы до конца I тысячелетия. Выделение пермского праязыка получило укоренившееся в пермистике объяснение, автором которого в начале прошлого столетия был Ю. Вихманн: прибывшее на среднюю Волгу в конце VII века тюркское племя — болгары — на протяжении двух—трех веков оказывало интенсивное влияние на южные пермские племена. Контакт последних с пермскими племенами, которые направились к северу, как считается, в конце тысячелетия прервался и на основе позже возникших инноваций выделились коми и удмуртский языки.

Предлагаемая схема в наши дни уже не выглядит убедительной, хотя соседство болгар на юге и является доказанным историческим фактом, в результате которого в удмуртском языке, а также в марийском появился ряд тюркских черт. О языковом пространстве более северных племен и факторах, повлиявших на него, значительно меньше убедительных свидетельств. Археологи не обнаружили следов существенных миграционных потоков в северном направлении в конце тысячелетия, а вот в более ранних жителях северного ареала (носители ананьинской культуры в 800—300 гг. до н.э., следы которой доходят до бассейна Вычегды и Выми) они видят предков современных коми. Р. Бартенс тоже признает,

что процесс разветвления языков должен был быть продолжительным и в ходе его происходило смешение различных этнических групп и культур. К мнению археологов об обширной территории, населенной прапермскими племенами (в связи с ананьинской культурой) к северу от бассейна Камы и Вятки, она относится осторожно и представляет его лишь как предположение, хотя в связях гляденовской (в верховьях Камы до Вычегды и Печоры) и южнее пьяноборской (в бассейне средней Камы и Вятки) культур, сложившихся в последние века до новой эры на базе ананьинской культуры, с пермскими племенами никаких сомнений больше нет. Автор согласна с тем, что распространенная на такой обширной территории культура не могла быть единой, но она убеждена, что «... различие культур еще не означает выделения разных языков. Прапермский период продолжался еще до середины I тысячелетия и даже дольше» (с. 11). С этим утверждением можно согласиться в том аспекте, что процесс изменения языков протекает медленнее, чем процесс смены культур. В то же время сомнительно, мог ли быть единым и инвариантным язык в таком крупном ареале.

Праязык как метаязык — это вполне приемлемый термин. Несомненно, есть такие регулярные звукосоответствия и звукоизменения, которые позволяют восстановить определенные изменения, происшедшие в языковой системе. Но это еще не значит, что они позволят реконструировать систему или подсистемы праязыка. На базе фонетической системы современных пермских языков такие попытки предпринимались.

Излагая историческую фонетику, Р. Бартенс опиралась прежде всего на исследования П. Саммаллахти, Я. Янхунена и Т. Э. Утилы. Предварительным этапом развития фонетической системы пермского праязыка принято считать фонетическую систему т.н. инвариантного (хотя и предполагаемого) прибалтийско-пермского периода, которая якобы была более или менее идентична с еще более ранней финно-угорской системой (с. 33—34, 58—59), однако сопоставление их связано с рядом

проблем. Особенно загадочна вариативность гласных (с. 55—61). Различным реконструкциям автор предпочла предположение П. Саммаллахти о том, что более ранняя прибалтийско-пермская количественная оппозиция в пермских языках сменилась противопоставлением полных и редуцированных гласных. Следы последнего обнаруживаются в южных диалектах коми языка, прежде всего в коми-язьвинском. По П. Саммаллахти, новая оппозиция сложилась еще в допермском периоде, развивалась в раннем пермском и исчезла на стадии праудмуртского языка. Источник оппозиции не ясен: поскольку редуцированные гласные есть также в марийском языке и в оказавшем на него влияние древнечувашском (язык волжских булгар), можно говорить, вероятно, об ареальной инновации под влиянием последнего. В таком случае мы имеем дело с поздней инновацией, поскольку волжско-булгарское влияние относят, как правило, к завершающим прапермский период. А это противоречит датировке П. Саммаллахти.

С помощью редуцированных гласных делались попытки объяснить и другие явления в пермских языках, например, утрату гласного второго слога и появление морфологического словесного ударения, что теоретически обосновано, но в реальном языковом пространстве эти изменения реализовались по-разному: апокопа в коми языке имеет общий характер, в удмуртском же ограниченный. Словесное ударение в северных коми диалектах свободное, а в южных коми диалектах (летский, нижнесельский, коми-пермяцкий, коми-язьвинский), а также в северных удмуртских диалектах оно морфологически или фонологически детерминировано. Свободное ударение северных диалектов считается коми инновацией, которая не достигла южных диалектов (с. 64—65). Причины этого нам пока не известны.

Итак, признается развитие во времени и в нем различаются периоды праязыка, однако территориальная вариативность с понятием праязыка не согласуется. Если распространение пермского праязыка разместить в ограниченном ареале — в верховьях Камы и Вятки,

как это виделось столетие назад, то инвариантность такого ареала легко вообразить. Современные толкования предполагают более давнее территориальное рассеяние. Но на каком основании можно утверждать, что возникшие на протяжении столетий инновации распространились по обширной территории настолько равномерно, что допускают восстановление фонетической системы без вариантов?

В консонантизме и фонотаксисе прапермского языка тоже выявляются многие изменения по сравнению с предыдущим, т.н. прибалтийско-пермским периодом. Сопоставление систем наглядно демонстрирует, правда, результаты происшедших в пермских языках изменений и их тенденции, но опять же возникает сомнение, насколько оправдано их отнесение к праязыку.

Например, для пермских языков характерно большое количество аффрикат и озвончение их считается инновацией прапермского периода. Вариативность, которая встречается в некоторых диалектах (например, в северных коми диалектах аффрикате соответствует зубной смычный или сибилант), а также проявляющаяся в реконструкциях пестрота свидетельствуют скорее о процессе с а х изменений, которые отнюдь не обязательно равномерно охватили весь пермский языковой ареал, причем эпицентр инновации мог быть и вне его. Например, считается, что звонкие аффрикаты внутри слова сформировались в прапермском языке на основе сочетания *nč. Сопоставления слов свидетельствуют о наличии звонкой аффрикаты в коми, саамском и марийском языках, в удмуртском же — звонкого сибиланта. В некоторых случаях исходной формой была *nš. Ур. *c > ф.-у. *č уже для прибалтийско-финского праязыка реконструировался двойко: *č и *š. На этой почве вариативность пермских аффрикат и сибилантов можно понять (ср. также с. 41—42).

Наряду с многочисленностью аффрикат в современных пермских языках обращает на себя внимание сильная палатализация, которая, как считается, произошла в допермское время и в

пермских языках широко распространялась. Палатализация характерна и для восточных прибалтийско-финских языков (карельский, вепсский). Обычно западное влияние ощущается в северных коми диалектах (вычегодский, удорский, вымский, ижемский) чаще, чем в остальных, но палатализация проявляется в них слабее — соответствиями *d', t'* регулярно выступают *jd, jt* (с. 39), палатализация здесь предположительно утрачена. Почему? Т. Э. Утила посчитал возможной вариативность на последнем этапе развития праязыка и усомнился в том, что полугласный **w-* не мог попасть в диалекты того позднего прапермского языка, на базе которого сложились коми-пермяцкий и коми-язвинский диалекты. Тем самым — в позднем прапермском языке уже были диалекты. А почему бы тогда не раньше — по крайней мере относительно системы гласных, которую так сложно однозначно реконструировать?

Глава, посвященная морфологии и синтаксису, обращает на себя внимание в первую очередь как богатое языковыми фактами сопоставление языков, отсутствие которого в пермистике уже давно ощущалось. Весьма ценны приведенные из соседних языков параллели. История морфем тоже оперирует понятием праязыка, но в данном случае это в основном возражений не вызывает, поскольку с точки зрения морфологической структуры пермские языки действительно весьма близки между собой, а потому реконструкция многих общих исходных форм вполне убедительна. В то же время и в морфологии встречаются сомнительные толкования, когда современное распространение морфемных вариантов или какая-то форма не уместаются в рамки воображаемого праязыка. Например, считается, что показатель множественного числа *-jas ~ -as* с его вариантами произошел от самостоятельного существительного. Аналогичные модели грамматикализации видятся и в марийском и тюркских языках. В марийском языке признается тюркское влияние, в пермских нет, поскольку показатель считается старше, чем тюркское влияние, т.е. появился он в прапермском

языке, тюркское же влияние началось лишь в конце этого периода. Тем самым можно предполагать ареальное конвергентное развитие. Сам показатель по языкам и диалектам варьирует и допускает также различные реконструкции. Алломорф, начинающийся с гласного, связывает между собой коми-пермяцкий и удмуртский языки. Поскольку варьируют и употребление показателя в связи с падежными окончаниями (с. 78), а также множественное число местоимений (с. 154, 157), можно полагать, что загадки множественного числа еще не решены. На с. 114 автор и сама признает, что элемент **-n* в формах множественного числа является наиболее значительным различающим признаком склонения в коми и удмуртском языках. Можно ли на фоне всего этого разнообразия увидеть прапермское инвариантное образование множественного числа?

На первый взгляд падежная система в пермских языках представляется сходной, углубление же в детали обращает внимание на интересные ареальные особенности. В отношении судьбы древних финно-угорских местных падежей пермские языки сравнивают с хантыйским; напрямую хантыйский язык здесь напоминает терминатив. Принцип образования *l*-овых падежей связывает пермские, марийский и прибалтийско-финские языки, отчасти совпадают и функции (с. 83). Суффикс каритива коми *-tög*, удм. *-tek* тоже обнаруживает аналоги к западу — в прибалтийско-финских, марийском и саамском языках (принято считать показателем прибалтийско-пермского периода). Здесь удивляет сохранение конечного смычного, который в пермских языках в аналогичной позиции обычно утрачен. Происхождение элативного *-yś* (удмуртский алломорф *-yśt*) до сих пор не выяснено. Связать его с прибалтийско-финским, саамским и мордовским элативным элементом *s* не позволяет палатализация. В функциональном же плане особенно коми элатив близок прибалтийско-финским языкам. (Удмуртский язык в тех же случаях элативу предпочитает аблатив). Очевидно, между языковыми группами имеется пробел, из-за которого процесс палата-

лизации пермского элативного признака проследить не удается.

Более поздние пути развития падежной системы делят пермский языковой ареал на три: коми, удмуртский и переходный между ними, где южные коми диалекты (верхнесысольский, лузский, летский) в некоторых деталях сближаются с коми-пермяцким языком (напр., в сыктывкарском, лузском и коми-пермяцком компаратив с *-śa* позднего происхождения), коми-пермяцкий же в свою очередь с удмуртским или по меньшей мере с его северными диалектами (из разных послелогов, но по одной модели сформировавшиеся местные падежи — с. 79). Во всех основных коми диалектах имеется консекутив на *-la*, только в коми-зырянском встречается транзитив с *-ti* и лишь в удмуртском — наречный падеж с *-ja*. Последний считается прапермским элементом, но не относящимся к общей системе склонения. Утверждается, что в отдельных удмуртских диалектах он тоже уже утрачен. В функциональном отношении по диалектам различается инструменталь: в удмуртском языке он выполняет и функции социатива, в коми языке в роли социатива выступает комитатив, который в удмуртском отсутствует. Элемент *k* коми комитатива иногда сравнивался с марийским комитативом.

Происхождение падежных элементов вызывают и у автора вопросы, которые еще не имеют четких ответов (напр., с. 86, 89 и др.).

С положением об общем праязыке не вяжется и очередность расположения в словоформе падежного (Сх) и посессивного (Рх) суффиксов, в одних падежах это Сх+Рх, в других наоборот, в удмуртском терминативе допускаются обе возможности. Вариативность не отвечает и теории семантической релевантности (с. 117—118). Первый вариант общераспространен в западных родственных языках, второй — в тюркских языках, т.е. причину колебаний можно было бы искать в соседних влияниях. Но опять же подчеркивается, что очередность суффиксов сложилась в прапермский период, начало же тюркского влияния отмечается лишь в конце это-

го периода. (Такое же противоречие выявилось, например, в связи с установлением происхождения системы гласных и показателя множественного числа). Что же убедительнее — праязык с его туманным бытием и неопределенными границами распространения или четкая системность в соседних языках? Происхождение удмуртских модальных сложных временных форм считается, правда, тюркским, хотя такие же временные формы встречаются и в коми языке (с. 214). Вариативность рассматриваемой очередности Сх и Рх тоже могло обусловить расположение пермских языков в сфере влияния двух разных языковых систем.

С соседним влиянием и плавным переходом языковых изменений согласуется, например, и структура посессивных форм: в удмуртском языке к основному слову в большинстве случаев присоединяется признак принадлежности Рх, то же в марийском и мордовских языках. В коми языке Рх часто отсутствует, карельский, ижорский и вепсский языки используют суффикс значительно реже, чем финский язык. В южной группе прибалтийско-финских языков обнаруживаются лишь рудиментарные следы Рх, бессуффиксальная форма обычна и для саамского языка. Таким образом форма без притяжательного суффикса продолжает свое существование в коми языке, а к югу она встречается все реже. В том же северо-западно—южном направлении распространяется форма без посессивного суффикса, в которой указывающее на владельца местоимение имеет форму номинатива (при обычной форме генитива или аблатива) и в 3-м лице даже краткий односложный вариант (коми *sy, na*). В удмуртском языке такая форма встречается редко, в коми языке часто, а в северных и северо-западных диалектах (вымском, удорском, ижемском) регулярно. Подобная тенденция отказа от посессивного суффикса во внешнем экзистенциальном предложении проявляется в коми, прибалтийско-финских и саамском языках (с. 122).

Прибалтийско-финские черты в лексике удорского диалекта отмечались уже давно, в рецензируемой работе нагляд-

но представлены новые явления из морфологии. Если явление имеет узкое распространение (напр., случаи конгруэнции выраженного прилагательным определения в удорском диалекте), оно может быть следом более позднего влияния, а иногда и давнего контакта. В любом случае такие осколочки тоже заслуживают внимания. Например, удмуртское прилагательное в составе сказуемого не имеет падежных форм, коми прилагательное, кроме основной формы, располагает инструментом и аккумулятивом, а удорский диалект также иллативом. Автор тоже задается вопросом (с. 131) — почему именно в удорском диалекте прилагательное имеет падежные формы, аналогичные с таковыми в прибалтийско-финских языках?

Богатый материал для размышлений предоставляют исследователю особенности коми и удмуртских местоимений.

Общее в личных местоимениях ограничивается номинативом местоимений 1-го и 2-го лица, которые имеют то же происхождение, что и местоимения в родственных языках. Местоимение 3-го лица в финно-угорских языках сформировалось на основе указательного местоимения и различается по языкам. Местоимение 3-го лица единственного числа в коми и удмуртском языках имеет общее происхождение, формы же множественного числа разные: в удмуртском языке (как и в саамском) к основе местоимения в единственном числе присоединяется показатель множественного числа существительного, в коми языке множественность выражает *n-* в начале основы (с. 154). Таким же образом множественное число обозначается и в других западных финно-угорских языках. Следует напомнить, что указательного местоимения с начальным *n-* коми язык (как саамский и обско-угорские языки) не знает. Итак, коми местоимения 3-го лица не образованы от коми указательных местоимений, в этом вопросе коми язык сближается с западным ареалом (подробнее см. Hausenberg 1996 : 180—181).

В падежных формах и в морфосинтаксисе местоимений тоже имеются факты, которые сближают коми язык или его диалекты с западными родст-

венными языками (с. 156, 163). Среди них можно обнаружить как следы древних общих черт, так и результаты конвергентного развития, которое подпитывают продолжающиеся соседские контакты. (Вспомним о существенно более западном расположении древних коми племен еще во II тысячелетии).

Основная структура спряжения глагола в коми и удмуртском языках имеет много общего, но и здесь бросается в глаза наличие особенностей, которые тоже свидетельствуют о разных сферах влияния (с. 213—218). Удмуртские черты, не имеющие аналогов в коми языке, находят их обычно в тюркских языках. Коми же язык сохранил (или приобрел) прибалтийско-финские черты. В строении предложения об этом свидетельствует тип порядка слов: удмуртский язык явно предпочитает SOV, а коми — SVC. В последнем случае подозревается и влияние русского языка. В отношении коми языка можно было бы ожидать и большего русского влияния, но заимствованы лишь некоторые союзы и частицы.

В финно-угроведении распространено мнение, что коми и удмуртский языки являются близкородственными. Действительно, их связывает ряд морфологических явлений, словоизменительных окончаний существительного и глагола, не говоря уже о лексике. Обстоятельное сопоставление, проведенное Р. Бартенс, фиксирует на удивление пеструю картину особенностей этих языков, которые на первый взгляд могут и не обратить на себя внимание, но в обзоре, охватывающем ареал в целом и часто даже соседние языки, они начинают говорить об ареальных процессах прошлого. Нельзя не согласиться с утверждением, что для диалектолога пермские языки являют собой лакомый кусочек. На основе языкового материала складывается видение длительного процесса языковых изменений, который невозможно ограничить определенным периодом времени или определенной территорией. Разумеется, достоверные реконструкции помогут исследователю, но временные рамки праязыка при толковании процессов будут ско-

рее во вред. В последней главе книги (с. 349—355) автор еще раз подчеркивает: пермский языковой ареал поделили надвое в VIII веке волжские булгары. Общие черты южных коми диалектов (лузский, летский, верхнесысольский, коми-пермяцкий, коми-язвинский) и удмуртского языка, согласно Р. Бартенс, ничего не говорят о более поздних контактах между коми и удмуртскими языками, поскольку это более древние элементы общего праязыка. Действительно, упомянуты древние общие черты, но можно ли говорить о праязыковом происхождении, если в более северных коми диалектах они отсутствуют (ср., напр., вопросительное местоимение *kin* и в северной группе отглагольные образования *kodi*, образование отглагольных существительных на *(a)n* и *(ö)m*, морфологический и свободный типы ударения). Наряду с древними чертами имеются и более поздние: те же древнетюркские заимствования, на базе которых датируется разделение языков, встречаются прежде всего в южных коми диалектах. Особенности северных коми диалектов считаются инновациями, не дошедшими до южных диалектов, в том числе коми-пермяцкого и коми-язвинского. Почему? Почему бы не увидеть на фоне современных изоглосс очень старую вариативность языкового ареала, по крайней мере местами редко и рассеянно заселенного?

По данным Л. Н. Жеребцова, на историю заселения северного региона оказали свое влияние климатические изменения: примерно в VIII—XIII вв. климат потеплел, в XIV—XV вв. началось новое похолодание и XVI—XVII вв. на севере называют «малым ледовым периодом». Есть сведения, что в эти столетия существенно изменились ареал распространения и численность коми (Жеребцов 1994 : 33—35). Расположение пермского ареала значительно западнее, до Северной Двины и верховьев Ваги, до низовьев Сухоны и бассейна реки Юга, привлекло внимание автора (с. 13). К сожалению, нам не известны ни возраст тамошнего заселения, ни вариант языка, который там использовался. Исторические данные о многочисленной рус-

ской колонизации в бассейне Камы, способной различить родственные племена территориально, относятся лишь к середине II тысячелетия (с. 21—22). Разный образ жизни и, наверное, разнообразные контакты с соседними племенами способствовали обособлению северного и южного языковых ареалов пермян задолго до этого.

Таким образом, можно сказать, что период пермского праязыка не имеет ни четко определенного начала, ни четко установленного конца. Логичнее говорить о более старых и более поздних общих чертах, более или менее распространенных инновациях и их возможных источниках, но не о туманном праязыке.

В задачу автора монографии не входило изложение истории исследования, но материал столь обширен, что его источники отражают историю и сегодняшний день пермистики. В основном литература использована целесообразно. Предложу пару дополнений к коми источникам. Например, рассматривая словообразование существительных, автор отмечает нечеткость границы между сложноподчиненным словом и словосочетанием (с. 125). При этом она ссылается на грамматики 1955 и 1962 годов. Эти работы уже устарели, они отражают пробелы в исследованиях и слабые стороны подачи материала своего времени. Орфография сложных слов тоже была тогда непоследовательной. Переиздавая орфографические словари, их составители попытались ее упорядочить, и непоследовательность существенно сократилась, так что от примеров из коми грамматики 1955 года следовало бы отказаться. В изложении словоизменения существительного вместо ссылки на небольшую статью Г. Федюновой (или наряду с ней) целесообразно было бы привлечь и ее гораздо более обстоятельное исследование на базе кандидатской работы (Федюнева 1985). Наряду с отражающими исследование пермских языков библиографиями К. Редеев и Ш. Чу-ча (с. 32) в качестве источника информации представляет интерес энциклопедия коми языка (1998).

Насыщенная данными и очень интересная монография Р. Бартенс, несом-

ненно, станет очень нужным пособием для молодых финно-угроведов, которое поможет им ориентироваться в результатах пермистики, полученных к настоящему времени. Исследователи соседних языков почерпнут из книги Р. Бартенс более полную, чем до сих пор, информацию, например, для своих ареальных или типологических исследований. К дальнейшим размышлениям побуждает неожиданное многообразие представленного автором материала. Ведь языки прошлого тоже претерпевали изменения, время и ареал распростране-

ния которых часто остается на уровне лишь предположений. Вопросы возникают, когда праязык привязывается ко времени и пространству. Первичной целью языковых реконструкций должно быть выяснение механизма, закономерности, типологии языковых изменений. Хорошо, если соединяя эти детали, удастся заглянуть в глубь тысячелетий. Изменения можно упорядочить хронологически, но для установления времени и пространства лингвист нуждается в помощи смежных наук.

ЛИТЕРАТУРА

Ф е д ю н е в а Г. В. 1985, Словообразовательные суффиксы существительных в коми языке, Москва 1985.
Коми язык. Энциклопедия, Москва 1998.
Ж е р е б ц о в Л. Н. 1994, Изменения климата и демографические процессы в Коми крае. — *European*

North: Interaction of Cultures in the Ancient Times and Middle Ages, Syktyvkar, 33—35.
H a u s e n b e r g, A.-R. 1996, Onko komin ja itämerensuomalaisissa kielissä areaalisia yhteispiirteitä? — *CIFU VIII*, pars IV, 180—182.

АНУ-РЕЭТ ХАУЗЕНБЕРГ (Таллинн)